

**ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ.**

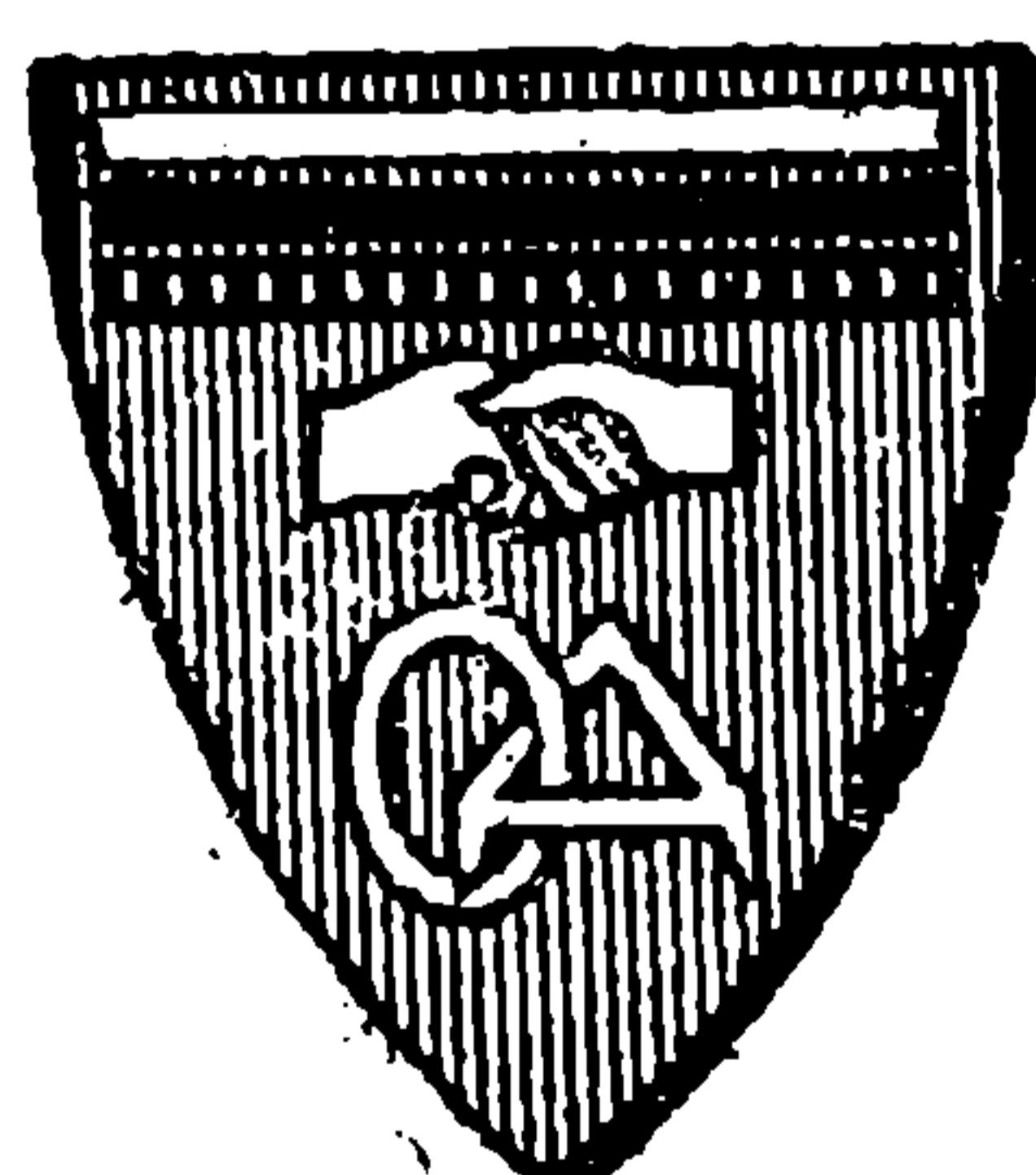
ВЫПУСКЪ 98.

Д-ръ СТЕПАНЪ А. ФЕНЦИКЪ

**МОЯ ПОѢЗДКА ВЪ БОЛГАРИЮ
НА ВСЪЕЗДЪ РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ.
=====**

КАРПАТОРОССЫ И РОССІЯНЕ.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КАРПАТСКІЙ СВѢТЪ».

**УЖГОРОДЪ 1930.
ТИПОГРАФІЯ ШКОЛЬНОЙ ПОМОЩІ.**

ИЗДАНІЯ О-ВА ИМ. АЛ. ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДЪ.

1. Евменій Сабовъ: Грамматика русскаго языка для средн. учебн. зав. Подк. Руси. Ч. I. Этимологія. Ужгородъ 1924 г. 12 кч.
2. В. А. Францевъ: Къ вопросу о литературномъ языке Подкарпатской Руси. Ужгородъ 1924. (Разошлось). 2 кч.
3. Нар. Библ. ч. 1. И. Поливка: Что такое библиотека?; И. Поливка: Первые учители и просвѣт. Славянъ; П. Федоръ: Пьянство—гибель народа; М. Микита: Объ уходъ за удобреніями. Ужгородъ, 1925 г. 1 кч. 50 гел.
4. Нар. Библ. ч. 2. Нашъ Презид. Фома Масарикъ. (Разошлось). 1.50 кч.
5. Нар. Библ. ч. 3. Объ охранѣ отъ заразныхъ болѣзней (хворотъ). Нитаніе человѣка. Ужгородъ, 1925. (Разошлось). 1.50 кч.
6. Нар. Библ. ч. 4. О дружествахъ земледѣльцевъ. Ужгородъ, 1925. (Разошлось). 1.50 кч.
7. О литературн. языке карпаторос. и грамматика Е. Сабова. 1925, 2 кч.
8. Е. Сабовъ: Очеркъ литерат. дѣят. и образов. карпаторосс. 1925. 4 кч.
9. Нар. Библ. ч. 5. Познай себя. Бесѣда о нашемъ языке. Ужгородъ, 1925. 1.50 кч.
10. Нар. Библ. ч. 6. Разсказы о жизни животныхъ. Ужгородъ, 1925. 1.50 кч.
11. Д-ръ Ю. Гаджега: О-во им. А. Духновича и russk. женщ. 1925. 2 кч.
13. Д-ръ I. Каминскій: Національн. самосознаніе нашего народа. 1926. 2 кч.
14. Евм. Сабовъ. Рѣчь о А. Духновичѣ въ Севлюшѣ. 1925. 2 кч.
15. Нар. Библ. Нашъ президентъ є. Масарикъ. II-е изд. 1925. 1.50 кч.
16. Д-ръ Ю. Гаджега: Ист. О-ва св. Василія Вел. 1925. (Разошлось). 5 кч.
17. Народная Библиотека. Лисица. Отзывъ прадѣдовъ. 1925. 1.50 кч.
18. Народная Библ. Воздѣлываніе кукурузы. В. Бензина. 1926. 8 кч.
19. Народная Библ. Народный катехизъ. 1926. (Разошлось). 1.50 кч.
20. П.С. Федоръ: Краткій очеркъ дѣятельн. А.И. Добрянского. 1926. 2 кч.
21. Е. Сабовъ: Рѣчь по случаю открытия памятн. А.Е. Фенцика. 1926. 2 кч.
22. Д. Н. Вергунъ: А. Е. Фенцикъ и его мѣсто въ russкой литерат. 2 кч.
23. Н. Павловичъ: Russкая культура и П. Русь. 1926. (Разошлось). 2 кч.
24. Д-ръ С. Фенцикъ: Дѣятельность О-ва Духновича. 1922-1926. 8 кч.
25. Д-ръ I. Каминскій. Народн Календарь О-ва. 1927. (Разошлось). 5 кч.
26. Духновичъ---Ст. Фенцикъ: Нашъ національный гимнъ. 1926. 2 кч.
27. А. Бобульскій: «Нѣмая невѣста». Пьеса въ 1 дѣйств. 1926. 2 кч.
28. И. Лаппо: Происхожд. украинск. идеологіи новѣйш. врем. 1926. 2 кч.
29. Д-ръ Ю. Гаджега: Краткій обзоръ научной дѣятельности Ю. И. Венелина (Гуцы). 1926. 5 кч.
30. Проф. д-ръ А. Петровъ: Древнѣйшая церк.-слав. грамота 1404 г. о Карпаторусской території (съ фотogr. снимкомъ грамоты). 3 кч.
31. Д-ръ С. А. Фенцикъ: Нар. Календарь О-ва Духновича на г. 1928. 7 кч.
32. Д. Анталовскій: «Рождественская ёлка», пьеса въ 2 д. 1927. 2 кч.
33. Д-ръ К. Н. Шимановскій: «Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ и при внезапныхъ заболѣваніяхъ». 1927. 2 кч.
34. П. С. Федоръ: «Несчастная судьба», пьеса въ 4 дѣйств. 8 кч.
35. Д-ръ Ю. Гаджега: Исторія Ужгородск. Богосл. Семинаріи. 1928 6 кч.
36. Андрей В. Карабелешъ: Собрание стихотворений.
37. Валерій С. Вилинскій. Корни единства russкой культуры — ц. 5 кч
38. Георгій Верховинскій: Юрко Русинъ и его внучка — ц. 3 кч.
39. И. М. Конратовичъ: Къ исторіи стародавняго Ужгорода. 5 кч.
40. Антоній Луковичъ: Национальная и языковая принадлежность russкой части Подкарпатской Руси. 1929. 4 кч.
41. Стихотворенія А. Попрадова-Ставровскаго, собр. д-ръ Н. Бескидъ
42. Д-ръ Ю. Гаджега: Два историческихъ вопроса, 1928. — ц. 5 кч.
43. Д-ръ Н. Бескидъ: Изъ славянского прошлаго. (Печатается).
44. Народный Календарь О-ва на 1929 г. подъ ред. Д-ра Степана А. Фенцика, 1928. — ц. 4 кч.

ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ

ВЫПУСКЪ 98.

Д-ръ СТЕПАНЪ А. ФЕНЦИКЪ.

МОЯ ПОѢЗДКА ВЪ БОЛГАРИЮ НА ВСЪЕЗДЪ РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ. =====

КАРПАТОРОССЫ И РОССИЯНЕ.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КАРПАТСКІЙ СВѢТЪ».

р. Степанъ Фенцикъ

УЖГОРОДѢ,
ТИПОГРАФІЯ «ШКОЛЬНОЙ ПОМОЩИ»,
1930.

Проф. Д-ръ СТЕПАНЪ А. ФЕНЦІКЪ.

Моя Поїздка въ Болгарію на V Съездъ Русскихъ Ученыхъ.

(14—28. IX. 1930).

Въ 1830 году, т. е. ровно сто лѣтъ тому назадъ въ Болгаріи проживалъ **Ю. И. Венелинъ**. Старославное Царство Болгарское не только имѣть крупное значеніе въ началѣ русскаго національного просвѣщенія, но именно оно открыло его первую главу. Болгарская книга и церковная книга для X—XII вѣковъ Руси — понятія почти тождественныя. Прошли вѣка, просвѣтительный импульсъ, данный болгарами, далъ то, чѣмъ нынѣ гордится весь міръ — великую Русскую Культуру, понятіе говорящее о народной геніальности и необычайной духовной высотѣ и широтѣ. И русскій народъ не забылъ въ своей исторіи своихъ болгарскихъ братьевъ. Венелинъ, карпатороссъ по происхожденію и вѣрный ученикъ русской культуры по духу, въ XIX столѣтіи, когда болгары изнывали подъ тяжкимъ турецкимъ игомъ и забывали о своей національности, собиралиемъ материалями, изученіемъ національного и государственного прошлаго болгарскаго народа, тоже далъ импульсъ къ національному, а вскорѣ и государственному возрожденію своихъ бывшихъ просвѣтителей. Словомъ и оружіемъ русскіе воздвигли на развалинахъ прошлаго новое, молодое княжество Болгарское, которое вскорѣ преобразовалось въ царство...

Вотъ, приблизительно, тѣ мысли, съ которыми я въ субботу 13 сентября 1930 года приближался къ болгарской границѣ, будучи приглашенъ въ Софію на V. Съездъ Русскихъ Ученыхъ, какъ делегатъ Русскаго Культурно-просвѣтительного Общества им. А. В. Духновича въ Ужгородѣ.

Наступала заря, все явственнѣе были очертанія живописнаго болгарскаго ландшафта. Всюду начинались работы. Въ это время былъ сезонъ винограднаго сбора. Виноградники пестрѣли людьми, перемежаясь съ табаковыми плантациами, где тоже шла работа. Теперь, когда я вспоминаю Болгарію, мнѣ кажется, что я не видѣлъ тамъ ни одного человѣка безъ работы. Женщины, если онѣ не были заняты трудомъ дня, обязательно либо вязали, либо вышивали.

Мнѣ приходилось видѣть женщинъ, направляющихя на коняхъ и на мулахъ въ города: сидя верхомъ онѣ тоже вязали. Болгарія это страна трудолюбія...

Наблюдая изъ окна озаренныя солнцемъ картины, я услыхалъ рядомъ съ собою русскую рѣчъ. Со мною рядомъ ъхали М. М. Федоровъ, известный національный русскій идеологъ, генералъ Гулевичъ и другіе. Я познакомился со своими спутниками, мы начали говорить о предстоящемъ съѣздѣ и невольно вспомнили чуть не всю исторію болгарского народа. Имена смѣнялись именами, и каждое изъ нихъ многое говорило русскому сердцу.

Къ 12 часамъ дня мы прибыли въ Софію. На вокзалѣ насъ встрѣтила особая delegація во главѣ съ протопресвитеромъ Г. Шавельскимъ, ученымъ, который былъ одновременно и однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ организаторовъ съѣзда.

Я не буду подробно описывать открытия съѣзда въ воскресенье 14 сентября, это достаточно известно всѣмъ изъ газетъ. Скажу только, что русскихъ ученыхъ принимали и привѣтствовали такъ, какъ не принимали царей — это общее мнѣніе. Въ залѣ засѣданія присутствовалъ цвѣтъ болгарской и русской интеллигенціи, восторженныя рѣчи по поводу русской культуры и русского народа смѣнялись молитвеннымъ горемъ о подъяремной Россіи. Виднѣйшие болгарскіе дѣятели подчеркивали, что они являются воспитанниками русскихъ университетовъ и гордились этимъ. Каждый считалъ своимъ долгомъ упомянуть имя своего національнаго возродителя — **Ю. И. Венелина-Гуцы** и нашего кровного брата.

Я привѣтствовалъ съѣздъ отъ имени О-ва им. А. В. Духновича и сказалъ слѣдующее слово:

«Любезные Братья!

Позвольте мнѣ сегодня, въ одинъ изъ переносныхъ годичныхъ русскихъ праздниковъ, воспользоваться этимъ обращеніемъ къ Вамъ — Любезные Братья! Это обращеніе выражаетъ не только мои личныя чувства, но мы можемъ установить для него глубокую историческую традицію во взаимоотношеніяхъ карпатероссовъ и россіянъ и съ радостью подчеркнуть, что не только въ слояхъ интеллигенціи, но и мощнай волей нашего народа это чувство и сознаніе не только удерживается въ настоящее время, но и крѣпнетъ, решительно провозглашая культурно-национальное единство Русского Народа.

Не могу не выразить чувства особой радости, что на этотъ разъ мы собрались въ Софіи, въ сердцѣ Болгарской земли. Вѣдь въ числѣ первыхъ возродителей новой Болгаріи значится имя карпатеросса — Юрія Ивановича Вене-

Мнѣ приходилось видѣть женщинъ, направляющихя на коняхъ и на мулахъ въ города: сидя верхомъ онѣ тоже вязали. Болгарія это страна трудолюбія...

Наблюдая изъ окна озаренныя солнцемъ картины, я услыхалъ рядомъ съ собою русскую рѣчъ. Со мною рядомъ щали М. М. Федоровъ, известный національный русскій идеологъ, генералъ Гулевичъ и другіе. Я познакомился со своими спутниками, мы начали говорить о предстоящемъ съѣздѣ и невольно вспомнили чуть не всю исторію болгарского народа. Имена смѣнялись именами, и каждое изъ нихъ многое говорило русскому сердцу.

Къ 12 часамъ дня мы прибыли въ Софію. На вокзалѣ насъ встрѣтила особая delegація во главѣ съ протопресвитеромъ Г. Шавельскимъ, ученымъ, который былъ одновременно и однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ организаторовъ съѣзда.

Я не буду подробно описывать открытия съѣзда въ воскресенье 14 сентября, это достаточно известно всѣмъ изъ газетъ. Скажу только, что русскихъ ученыхъ принимали и привѣтствовали такъ, какъ не принимали царей — это общее мнѣніе. Въ залѣ засѣданія присутствовалъ цвѣтъ болгарской и русской интеллигенціи, восторженныя рѣчи по поводу русской культуры и русского народа смѣнялись молитвеннымъ горемъ о подъяремной Россіи. Виднѣйшие болгарскіе дѣятели подчеркивали, что они являются воспитанниками русскихъ университетовъ и гордились этимъ. Каждый считалъ своимъ долгомъ упомянуть имя своего національнаго возродителя — **Ю. И. Венелина-Гуцы** и нашего кровного брата.

Я привѣтствовалъ съѣздъ отъ имени О-ва им. А. В. Духновича и сказалъ слѣдующее слово:

«Любезные Братья!

Позвольте мнѣ сегодня, въ одинъ изъ переносныхъ годичныхъ русскихъ праздниковъ, воспользоваться этимъ обращеніемъ къ Вамъ — Любезные Братья! Это обращеніе выражаетъ не только мои личныя чувства, но мы можемъ установить для него глубокую историческую традицію во взаимоотношеніяхъ карпатероссовъ и россіянъ и съ радостью подчеркнуть, что не только въ слояхъ интеллигенціи, но и мощнай волей нашего народа это чувство и сознаніе не только удерживается въ настоящее время, но и крѣпнетъ, решительно провозглашая культурно-национальное единство Русского Народа.

Не могу не выразить чувства особой радости, что на этотъ разъ мы собрались въ Софіи, въ сердцѣ Болгарской земли. Вѣдь въ числѣ первыхъ возродителей новой Болгаріи значится имя карпатеросса — Юрія Ивановича Вене-

льна-Гуцы. Вспоминая о немъ, я радуюсь, что онъ былъ карпатороссомъ, и горжусь тѣмъ, что черезъ необъятные просторы, черезъ широту и высоту русской культуры онъ принесъ на помощь тому братскому народу, который въ вѣдру древнія времена сыгралъ роль просвѣтителя всего Русского Народа.

Въ исторический день, когда карпатороссы по законному праву привѣтствуютъ славный съїздъ русскихъ ученыхъ, являющійся событиемъ всего ученаго и славянскаго міра, мы беремъ на себя смѣлость вмѣстѣ съ горячимъ привѣтствиемъ отъ нашей младшей вѣтви русскаго народа передать Вамъ просьбу: наши національныя и культурныя чаянія включите отнынѣ по законному праву въ общее русское море. Культура и національность — не знаютъ государственныхъ границъ. Чехословацкая Республика въ своей конституціонной грамотѣ предоставила намъ право быть русскими, и мы надѣемся, что и въ творчествѣ русскихъ ученыхъ отнынѣ мы будемъ не только приложеніемъ къ книгѣ, но законной главой обще-русского творчества.

Отъ имени самаго крупнаго культурно-просвѣтительнаго Общества на Подкарпатской Руси, отъ имени научно-литературной секціи Русскаго Культурно-Просвѣтительнаго Общества имени Александра Духновича имѣю высокую честь привѣтствовать пятый съїздъ русскихъ ученыхъ и передать пожеланіе успѣшнаго труда на пользу и во славу Русскаго Народа».

Послѣ моихъ словъ началась овація по адресу карпатороссовъ, которая продолжалась нѣсколько минутъ.

Относительно работы съїзда долженъ отмѣтить слѣдующее. Подкарпатская Русь и карпатороссы, сравнительно съ прошлыми съїздами, заняли въ научныхъ докладахъ огромное мѣсто. Тамъ, гдѣ рѣчь шла о русскихъ-россіянахъ, всегда параллельно говорилось и о карпатороссахъ, а въ частности и о работѣ О-ва им. А. В. Духновича. О карпатороссахъ говорили: **П. Б. Струве** въ докладѣ «Этапы и факторы развитія русского литературнаго языка, какъ они обнаруживаются на исторіи словъ и реченій», **М. П. Бицилли** въ докладѣ «Языкъ и народность», **В. Н. Златарскій** въ докладѣ «Болгарскій историко-литературный элементъ въ русской лѣтописи» (Венелинъ), **В. А. Флоровскій** въ докладѣ «Русская историческая наука въ эмиграціи» (связь Русск. Народнаго Университета съ О-вомъ им. А. В. Духновича)... О Подкарпатской Руси были на программѣ спеціальныя лекціи; **В. В. Соханевъ** говорилъ на тему — «Историко-бытовые памятники Подкарпатской Руси: I. Костюмъ, узоры вышивокъ и предметы обихода, II. Церковь и памятники церковные; **Д. Н. Вергунъ** прочиталъ докладъ «Вопросъ о болгарскихъ рефлексахъ въ карпаторусскихъ говорахъ... Немало словъ о карпатороссахъ было сказано и въ докла-

дахъ Раева о «вѣковыхъ русско-болгарскихъ языковыхъ и литературныхъ связяхъ» и В. В. Соханева — «Къ вопросу о значеніи русскаго народнаго искусства, какъ историческаго источника».

Наконецъ, сколь важный интересъ вызвали карпатороссы на съездѣ видно уже и изъ того, что мой докладъ былъ положенъ не въ отдельной секціи, а на «Соединенномъ засѣданіи всѣхъ секцій». Докладъ мой одновременно былъ напечатанъ въ софійской русской газетѣ «Голосъ» (№№ 272—275), а отсюда, какъ я узналъ впослѣдствіи, перепечатанъ въ львовской газетѣ «Русскій Голосъ».

Докладъ мой былъ нижеслѣдующій.

Карпатороссы и россияне.

(Къ исторіи культурно-национальныхъ взаимоотношеній).

До самаго послѣдняго времени, задумываясь надъ судьбами своего племени, карпаторусские интеллигентные и научные работники полагали, что въ отдаленные времена отъ мощнаго русскаго дуба вѣтрами стихій была оторвана малая вѣтка и унесена за высокіе Карпаты. Эта малая вѣтка, состоящая изъ мирныхъ трудолюбцевъ, землепашцевъ и пастуховъ, перевалила черезъ горный хребетъ, задерживаясь въ полонинахъ, нѣкоторое время проживала свободно въ живописномъ краю, богатомъ травою, лѣсами и дикими звѣрями. Непривычное къ войнѣ это русское племя впослѣдствіи было покорено пришедшими съ востока мадьярами-венграми, которые въ свою очередь привели съ собою русскую челядь, а можетъ быть и русскія дружины, какъ достояніе княжескихъ фамилій, охотно роднившіхся съ венгерскими князьями путемъ брака. Наконецъ, мы вѣрили, что въ 1360 г. прибылъ на Подкарпатскую Русь литовскій князь Коріатовичъ, княжившій въ Новгородѣ, и привель съ собою до 40.000 русскихъ людей. Коріатовичъ, какъ говорить преданіе, впослѣдствіи записанное, былъ княземъ Мукачевскимъ, а слѣдовательно особой политической.

Ввиду такого представленія, конечно, возникъ и интересовалъ вопросъ: къ какому-же изъ русскихъ племенъ относятся карпатороссы? Обычнымъ отвѣтомъ по этому поводу было то, что мы признавали себя малороссами, хотя и не всѣ условия удовлетворяли этому предположенію.

Вы, вѣроятно, знакомы съ современной діалектологіей Подкарпатской Руси. На територіи нашего края, незначительного по пространству, различается цѣлый рядъ говоровъ, столь разнящихся между собой, что невозможно

установить закономѣрность ихъ развитія. Обычно это объясняли позднѣйшими языковыми вліяніями, которые и были здѣсь въ избыткѣ. Однако, при наличіи даже этихъ вліяній, едва-ли можно объяснить столь незакономѣрное чередованіе діалектическихъ особенностей. И тѣмъ болѣе, если полагать, что карпаторусское племя является всецѣло частью малорусской народности.

Въ настоящее время довольно подробно изслѣдованы вышивки и кустарное мастерство карпаторуссовъ. Оказывается, что и въ этомъ отношеніи наблюдается та-же пестрота, не поддающаяся уже всецѣло объясненію черезъ позднѣйшія вліянія. Вышивка Ужокской верховины удивительно бѣдна по замыслу и по краскамъ, она напоминаетъ вышивки Архангельской губерніи; сосѣдніе округа Нижнихъ Верещокъ и Свалявы приближаются уже къ вышивкамъ губерній Владимірской и Орловской; совершенно оригинальны и по замыслу и по силѣ вышивки округа Воловое-Долгое; наконецъ вышивки Рахово-Ясина вызываютъ удивленіе по своему мастерству на иностранномъ рынке, а по своей красочности, конечно, всецѣло связаны съ югомъ.

То-же многообразіе находимъ и въ платьѣ. Какъ совмѣстить и какъ свести къ единству племенному узкія «гати»-штаны верховинца изъ Ужока и широченные штаны гуцула, о которыхъ вспоминаетъ Гоголь, называя ихъ «штанами шире Чорнаго моря»? Какъ пестроту Марамороша объединить съ простотой до скучности въ районѣ сѣвериѣ Великаго Березнаго?

За послѣднее время большой интересъ вызвали старинные деревянныя церкви Подкарпатской Руси, которые изслѣдователи европейского типа, мало знакомые съ русской старой архитектурой, а подчасъ и недостаточно считающіеся съ нею, бессильно стараются объяснять вліяніями романскими, готическими и пр. Наша старинная церковушка — родная сестра сѣверо-русскимъ церквамъ не только по видѣнію виду, но и по архитектурнымъ частямъ. И въ этой архитектурѣ есть много различныхъ типовъ и деталей, которые противорѣчатъ творческой и одновременности и единоплеменности въ жизни нашего края.

Вліянія! Въ нихъ недостатка не было. Мадьяры, поляки, румыны, чехословаки — всѣ вліяли на насъ и эти вліянія можно учесть по территоріямъ и незакономѣрности они не представляютъ. Эти вліянія обезличили нашу интеллигенцію, но они только виѣшне коснулись нашихъ простонародныхъ массъ. Это загадки не представлять. Интеллигенція жила, хотя и съ трудомъ, но все-же жила, а народъ нашъ — къ нашему русскому национальному счастью — спалъ. Та необычайная консервативность, которая и понынѣ царить въ нашихъ селахъ — это поистинѣ китайская стѣна, черезъ которую тяжело было проникнуть и вліяніямъ. Нашъ народъ

быть въ волшебномъ снѣ и всю эту цивилизацію и нивел-лировку, связанную съ ней, не замѣчалъ. Дѣдовскій законъ, а не «законы суетнаго свѣта» и понынѣ еще царять у настъ.

Чѣмъ объяснить этотъ сонъ въ центральной Европѣ?

Цумаю, что я не ошибусь, если скажу, что онъ всецѣло связанъ съ тѣмъ методомъ денаціоналізацій, который примѣнялся къ русскому народу за Карпатами, особенно если сравнить состояніе русскихъ въ Галиціи и Буковинѣ съ положеніемъ карпатороссовъ за Карпатами. Галичане подчи-нялись режиму австрійскому, ихъ систематически перевоспитывали, денаціонализировали, въ результатѣ чего они теряли свое русское національное убѣжденіе и признавали себя особымъ украинскимъ народомъ. Галиція перевоспиты-валась, Галицію всѣми силами стремились перекрасить, а для этого требовалась и извѣстная доля просвѣщенія въ украинскомъ духѣ. Мы, карпатороссы, были объявлены фактически несуществующими и открыто подлежащими мадьяризациі. Насъ въ національномъ смыслѣ просто уби-вали. Большинство интеллигенції и принуждено было на время принять мадьярское просвѣщеніе, въ то время какъ народная масса впала въ «глубокій сонъ» о которомъ такъ настойчиво твердили наши позднѣйшіе писатели, замѣтивъ народную отсталость. Эта невольная симуляція національной смерти --- «глубокій сонъ» --- объясняетъ культь священной традиції въ быту, который и нынѣ еще играетъ преобла-дающую роль, а, съ другой стороны, и мѣстное разнообразіе, о которымъ мы говорили выше, возводить ко временамъ весьма отдаленнымъ.

Въ настоящее время вышла книга Проф. Д-ра А. Л. Петрова «Древнѣйшія грамоты по исторіи карпаторусской церкви и іерархіи 1391—1498», которая кардинально измѣ-няетъ взглядъ преданія, въ теченіи долгаго времени под-держивающійся псевдо-научными доказательствами, на за-селеніе Подкарпатской Руси. Маститый ученый указываетъ на возможность первыхъ поселеній **восточныхъ славянъ** въ VII—VIII. столѣтіи; что-же касается поселеній **русскихъ**, то они могли возникнуть только въ болѣе позднее время, такъ какъ до XII столѣтія наименованіе «русскій» встрѣчается весьма рѣдко. Это утвержденіе даетъ возможность объ-яснять и ту нестроту языка и быта, которую мы замѣчаемъ на территоріи нашего края, ибо, помимо разновременности русскихъ поселеній, мы можемъ объяснить и разноплемен-ность ихъ, не сводя все къ одному малорусскому племени, какъ сосѣднему съ Подкарпатской Русью въ болѣе позднюю эпоху. Въ частности поселеніе гуцоловъ, болѣе всего близ-кихъ къ малороссамъ, слѣдуетъ отнести почти къ XVII вѣку. Филологи и діалектологи неоднократно отмѣчали, что въ языкѣ карпатороссовъ имѣется элементъ старо-славянскаго языка. Объясняли это тѣмъ, что, во первыхъ, старый рус-

скій языкъ быль близокъ къ старо-славянскому языку, а во вторыхъ, вліяніемъ Церкви и церковныхъ книгъ, какъ единственной языковой школы въ древнія времена. Эти факты можно принять во вниманіе, но едва-ли они объясняютъ все. Вѣдь въ Россіи, вѣрнѣ на Руси, вплоть до XVII вѣка не только Церковь, но и школа внѣдряли въ сознаніе русскихъ людей старо-славянскій языкъ, а тѣмъ не менѣе въ жизни сиъ терялъ свое значеніе и быль замѣненъ даже въ письмѣ новымъ языкомъ, какъ результатомъ эволюціи. Знающихъ церковно-славянскую грамоту на Подкарпатской Руси было очень немногіе, конечно, не могли вліять на массу въ томъ смыслѣ, что она замѣняла формы своего діалекта на церковно-славянскія: слѣдовательно, гораздо естественнѣе предположить, что именно старо-славянскій языкъ быль первымъ языкомъ поселенцевъ, что и понятно, если предположить, что этими поселенцами были восточные славяне.

Мы останавливаемся подробно на этомъ вопросѣ потому, что въ настоящее время почти установилось мнѣніе о нашемъ малорусскомъ происхожденіи, въ то время какъ факты говорять о гораздо болѣе сложномъ процессѣ, несводимомъ только къ судьбамъ одного племени русского народа, а тѣмъ болѣе къ малорусскому-украинскому.

Къ этому еще присоединю то, что у насть имѣется цѣлый рядъ фамилій Орос (т. е. Русскій), Москаль, что мѣстоназванія, какъ видно изъ другого труда проф. А. Л. Петрова — «Демографія Подкарпатской Руси», всецѣло относятся къ русскому языку, а не къ позднѣйшимъ украинскимъ-малорусскимъ діалектамъ, какъ со стороны фонетики, такъ и со стороны морфологіи. Слѣдовательно, какого-бы племени русскіе люди не переселялись на Подкарпатскую Русь, они приходили еще до оформленія пресловутыхъ трехъ племенъ русского народа, нынѣ уже не удовлетворяющихъ научнаго изслѣдователя. Чисто малорусскій говоръ гуцоловъ относится, какъ уже было сказано, только къ XVII вѣку.

Вотъ первое взаимоотношеніе карпатороссовъ и россѧнъ-русскихъ.

*

Мы не будемъ хронологически останавливаться на вопросѣ взаимоотношеній, съ одной стороны, ввиду недостаточности матеріяла въ болѣе раннія эпохи, съ другой — въ силу того, что эта тема можетъ быть предметомъ обширнаго изложенія, а не въ докладѣ съ ознакомительной цѣлью.

Мы имѣемъ свѣдѣнія, что мадьярскіе князья охотно женились на русскихъ знатныхъ дѣвушкахъ, а слѣдовательно при этихъ русскихъ женщинахъ имѣлся и кадръ русскихъ служащихъ.

Православная церковь, несомнѣнно, имѣла неофиціаль-

ную связь съ русскими іерархами и пользовалась книгами переписанными, а позднѣе изданными въ Россіи.

Этотъ родъ взаимоотношений былъ уже характера болѣе или менѣе отдаленныхъ лицъ и въ известныя эпохи достигали видимыхъ результатовъ. Интеллигентская связь съ Россіей была постоянной, и она не представляетъ особаго интереса, но мы хотимъ указать на два момента, когда взаимоотношения сыграли немаловажную историческую роль въ судьбахъ національного просвѣщенія, какъ въ Россіи, такъ и на Подкарпатской Руси.

На первый взглядъ кажется нелѣпостью положеніе, что карпатороссы въ судьбахъ Россіи сыграли не только известную, но и весьма значительную роль. А между тѣмъ та эпоха, которая до сихъ поръ въ нашей карпаторусской литературѣ недостаточно освѣщена, была для всѣхъ русскихъ людей поистинѣ исторической. Мы, карпатороссы, гордимся этимъ и мы, русскіе, радуемся этому.

Мы имѣемъ ввиду первую четверть XIX вѣка.

Съ 1772 года и по 1809 годъ епископомъ Мукачевскимъ былъ избранъ Андрей Бачинскій, эпоха которого еще при его жизни была названа «золотымъ вѣкомъ».

Избранію Бачинскаго предшествовало важное событие въ исторіи Россіи. Въ 1772 году произошелъ первый раздѣлъ Польши. Часть русскихъ земель, а именно Галиція, отошла къ Австріи. Императрица Екатерина II. требовала при этомъ отъ Австріи, чтобы русскій народъ, проживающій отнынѣ въ предѣлахъ Австріи не былъ стѣсненъ въ языке и вѣрѣ. Хотя прямо это къ Угорской Руси отношенія и не имѣло, но косвенно сказалось и на ней. Въ 1772 году епископская кафедра была перенесена изъ Мукачева въ Ужгородъ, въ 1773 году епископъ мукачевскій былъ признанъ независимъ. Въ 1777 году стараніями Бачинскаго богословская школа изъ Мукачева перешла въ Ужгородъ и была перевышена на «Королевско-епископскую семинарію» съ языкомъ преподаванія славяно-русскимъ. Въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ А. Бачинскій требуетъ, чтобы духовенство было «свѣдомо въ русской науцѣ». Въ это время карпатороссы, подлежащіе денационализациі, имѣли уже цѣлый кадръ ученой интеллигенціи, которая, окончивъ высшія учебные заведенія въ Трнавѣ, Вѣнѣ, Будапештѣ, Львовѣ и др. мѣстахъ, не только не забыла своей рускости, но и болѣе интенсивно начала поддерживать связь съ Россіей. Эта интеллигенція, прошедшая нѣмецко-мадьярскую школу, прекрасно владѣющая языками, получаетъ рядъ значительныхъ, главнымъ образомъ, профессорскихъ должностей въ Венгріи и, тѣмъ не менѣе, при первой-же возможности работы въ средѣ русского народа и ему на пользу, рѣшительно оставляетъ свою фактическую родину. Возможность эта открылась на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ, когда въ Россіи создается

рядъ университетовъ, гдѣ кафедры должны были занять русскіе люди. Кн. Голицынъ, какъ министръ народнаго просвѣщенія, вырабатываетъ проектъ приглашать на профессорскія мѣста именно карпатороссовъ. Его проектъ Австрія не одобряла, но тѣмъ не менѣе тяга въ Россію была велика. Въ періодъ съ 1791 г. и по 1823 годъ выѣхало въ Россію, оставивъ свои важныя должности на родинѣ, слѣдующіе выдающіеся карпатороссы: И. С. Орлай, М. А. Балудянскій, П. Г. Лодій, В. Г. Кукольникъ, К. П. Павловичъ, А. И. Дудровичъ, М. В. Бѣлевичъ и Ю. И. Венелинъ-Гуца, не говоря уже о цѣломъ рядѣ лицъ менѣе значительныхъ.

Большинство изъ упомянутыхъ имень не только значимы для русской культуры, но и играли первостепенную роль въ Россіи. Не всѣ русскіе люди знаютъ о мѣстѣ рожденія этихъ просвѣщенныхъ мужей, и только потому мы приуждены указать на то, что они были карпатороссами. Указать для того, чтобы каждый зналъ, что при всей общей отсталости національного образованія въ Угорской Руси, русскій народъ подъ Карпатами неизмѣнно считалъ себя русскимъ и смѣло рѣшался вступать на Русскую Землю, порывая свои родственныя связи въ родномъ краю.

Чтобы учесть значение этихъ карпатороссовъ-переселенцевъ въ Россіи, мы кратко укажемъ на ихъ роль въ Россіи.

Иванъ Семеновичъ Орлай окончилъ Львовскій и Пештскій Ун-ты и былъ преподавателемъ гимназіи въ В. Карловцахъ. Въ 1791 году онъ уѣзжаетъ въ С.-Петербургъ, гдѣ въ 1793 году кончаетъ медико-хирургическое училище, въ 1797 году, какъ русскій стипендіатъ, кончаетъ медицинскій факультетъ въ Вѣнѣ. Въ 1806 году получаетъ званіе магистра словесныхъ наукъ и доктора философіи Кенигсбергскаго Ун-та, а въ 1807 году степень доктора медицины Юрьевскаго Ун-та. За свои научные труды онъ избирается почетнымъ академикомъ Имп. Россійск. Академіи Наукъ и О-ва Исторіи и Древностей Россійскихъ. Въ 1821 году онъ назначается директоромъ Гимназіи Высшихъ Наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, а въ 1826 году заканчиваетъ свою карьеру въ качествѣ директора Ришельевскаго лицея въ Одессѣ.

Блестящая карьера и способности карпаторосса Орлай привели къ тому, что въ Россію черезъ него приглашается цѣлый рядъ новыхъ ученыхъ дѣятелей. И они не только оправдываютъ свою миссію, но и создаютъ блестящія страницы культурныхъ движений русского народа въ первую половину XIX вѣка.

Въ 1803 году прїезжаетъ въ Россію М. А. Балудянскій, бывшій домашнимъ учителемъ вел. князя, а впослѣдствіи императора Николая I. и его брата вел. князя Михаила Павловича, первымъ ректоромъ С.-Петербургскаго Ун-та и ближайшимъ сотрудникомъ М. М. Сперанскаго при составленіи «Свода Законовъ Россійской Имперіи».

Въ той же годъ прибылъ въ качествѣ профессора С.-Петербургскаго педагогическаго института П. Д. Лодій. Постѣ преобразованія института въ Университетъ, Лодій былъ избранъ первымъ деканомъ юридического факультета.

В. Г. Кукольникъ занималъ въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ кафедру римскаго права, но фактически читалъ лекціи и по ряду другихъ предметовъ, а именно по химії, агрономії, технології, физикѣ и др. Онъ тоже былъ учителемъ въ императорской семье одновременно съ Балудянскимъ. Въ 1820 году онъ организуетъ Гимназію Высшихъ Наукъ въ Нѣжинѣ, становится ея первымъ директоромъ, а одно время читаетъ въ ней лекціи чуть-ли не по всѣмъ предметамъ. Его сыновья Несторъ и Павель Кукольники являются выдающимися русскими писателями и историками.

П. К. Павловичъ, И. А. Дудровичъ и М. М. Билевичъ состояли профессорами Харьковскаго Университета.

Наконецъ имя Ю. И. Венелина известно не только въ исторіи Россіи, но и въ исторіи всего славянства. Будучи медикомъ по профессіи, Венелинъ началъ серьезно изучать исторію Болгарскаго народа и своими неутомимыми трудами въ теченіи краткой жизни немало способствовалъ тому, что Болгары поняли свое національное и политическое значение и усилиями революціонеровъ, какъ мѣстныхъ, такъ и проживающихъ въ Россіи, возродили свое законное самодержавіе.

Обо всѣхъ этихъ выдающихся лицахъ можно сказать, что они не только съ честью выполнили возлагавшіеся русскимъ правительствомъ надежды, но и во многихъ случаяхъ значительно ихъ превзошли. Однимъ словомъ, русскими они были несомнѣнно. Но возникаетъ вопросъ, не играли-ли эти переселенцы такую-же роль, какъ нѣкогда нѣмцы въ Академіи Наукъ? Другими словами, не забыли-ли они своего племени только ради положенія, предоставленнаго имъ въ Россіи? Не стыдились-ли они своихъ забытыхъ и униженныхъ братьевъ-карпатороссовъ?

На этотъ вопросъ не можетъ быть иного отвѣта: всѣ карпаторусские переселенцы не только не оставили мысли помочь своимъ братьямъ, но и впервые дали болѣе точные и научные труды о своей родинѣ, возбудивъ тѣмъ общественный интересъ.

Орлай написалъ обширную статью «Исторія о Карпатороссахъ, или о переселеніи Россіянъ въ Карпатскія горы и о приключеніяхъ съ ними случившихся». Онъ, будучи директоромъ Гимназіи Высшихъ Наукъ въ Нѣжинѣ, повліялъ на своего ученика, Н. В. Гоголя, своими рассказами о карпатороссахъ, и знаменитый писатель въ своей ранней повѣсти «Страшная месть» (гл. XII) вспомнилъ объ этой вѣтви русскаго народа. Матерьяломъ для повѣсти «Тарасъ Бульба»

была также и статья Орлай — «О юго западной Россіи», гдѣ онъ впервые доказываетъ, что въ Галиціи и за Карпатами проживаютъ вовсе не поляки, какъ въ то время считали, но русскіе.

Венелинъ въ цѣломъ рядъ статей касается вопроса объ угро-rossахъ, а особенно важно въ этомъ отношеніи его сочиненіе «Нѣсколько словъ о Россіянахъ венгерскихъ», а также статьи «О пѣснелюбіи Славянъ Закарпатскихъ», «Карпаторускія пословицы» и пр.

Балудянскій печатныхъ трудовъ не оставилъ, но известно, что онъ знакомилъ своихъ царственныхъ учениковъ и съ жизнью Угорской Руси.

Лодій, какъ и Орлай, тоже имѣлъ вліяніе на то, что Гоголь въ своихъ произведеніяхъ описывалъ жизнь западныхъ русскихъ.

Одновременно съ этимъ на Подкарпатской Руси выдвигается ученый и одаренный мужъ — І. Чурговичъ, отъ котораго осталась библіотека, правда не въ полномъ видѣ. Но и то, что въ ней имѣется, достаточно характеризуетъ интересъ къ русскому. Чурговичъ собралъ значительное количество русскихъ книгъ со временъ Анны Іоанновны какъ богословскихъ, такъ и по самымъ различнымъ вопросамъ. Здѣсь находились труды Ломоносова на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, изданія Новикова, Исторія Татищева, переводъ Руссо и т. д. Ассортиментъ книгъ показываетъ, что Чурговичъ, будучи богословомъ по спеціальности, для русской книги дѣлалъ исключеніе: онъ интересовался русской книгой вообще, она была ему дорога независимо отъ характера и спеціальности. Если-же мы вспомнимъ, какъ трудно въ то время было получить русскую книгу въ Угорскую Русь и какую опасность представляла русская книга для ся владѣльца, съ убѣждениемъ можемъ сказать, что необходимо было стойкое національное убѣженіе, чтобы совершать этотъ подвигъ.

Слѣдующей эпохой взаимоотношеній было время 1848 года. Если раньше только интеллигенція могла знать русскихъ-rossіянъ, слѣдить за ихъ культурнымъ развитіемъ, то теперь съ «дикими москалями» познакомилась близко народная масса. Этому знакомству предшествовалъ періодъ противорусской агитациі, нынѣ кажущейся почти невѣроятной. Мадьярское министерство культоў подъ вліяніемъ военныхъ властей давало офиціальный приказъ читать проповѣди въ церквахъ, доказывая, что русскіе — «москали» и казаки — являются варварами, разбойниками, злодѣями съ песьми головами и пр. Это было выполнено офиціально. Но тайкомъ карпаторусская интеллигенція съ нетерпѣніемъ ожидала прихода войскъ Паскевича, зная, что предстоитъ встрѣча не съ врагомъ, но съ другомъ и братомъ. Когда пришли русскія войска, когда ихъ постои въ селахъ

зазвучали русской пѣсней, когда мощное русское слово потекло изъ края въ край, не только опасенія исчезли въ народѣ, но народъ убѣдился, что интеллигенція его не обманывала и что не такъ страшень «москаль», какъ его малюютъ. И понынѣ изъ устъ въ уста переходятъ разсказы о приходѣ русскихъ въ то время, ходятъ анекдоты о различныхъ случаяхъ этого времени, проникнутые чувствомъ восторга и удивленія.

Это знакомство народной массы съ русскими-россіянами имѣло огромное значеніе на все послѣдующее, и не даромъ Духновичъ провозгласилъ: «Подкарпатскіе Русины! Оставьте глубокій сонъ!». Сонъ былъ оставленъ, и русское дѣло получаетъ характеръ общественный.

Первый печатный альманахъ литературного значенія, изданный въ 1851 году А. В. Духновичемъ, имѣть эпиграфъ изъ Державина. Впервые создается группа карпаторусскихъ писателей, которая стремится подражать образцамъ талантливыхъ россіянъ. Языкъ обновляется, народная рѣчь получаетъ литературное значеніе.

Цикатромъ русского движенія становится А. И. Добрянскій, имя которого вписано въ исторію всѣхъ русскихъ илменъ. Домъ Добрянского посѣщаетъ цѣлый рядъ русск. ученыхъ, гдѣ они знакомятся съ карпаторусскими патріотами, и, поскольку возможно, россіяне укрѣпляютъ національные надежды и національную вѣру своихъ братьевъ. Гrottъ, Ламанскій, Срезневскій, Будиловичъ — вотъ имена дорогія для каждого карпаторосса. Эти ученые не только поощряютъ начало карпаторусского литературного творчества, но и пытаются познакомить нашихъ писателей съ современными русскими авторами.

Воспитанные въ мадьярской школѣ, пропитанные мадьярскимъ духомъ, наши писатели въ своемъ творчествѣ стоять въ непосредственной зависимости не отъ мадьярскихъ и нѣмецкихъ образцовъ, но почти исключительно отъ русскихъ. Это слѣдуетъ отмѣтить съ особой настойчивостью.

Духновичъ восторгался Державинымъ, и его оды и шутливыя стихотворенія проникнуты не только идеями Державина, но и формальными особенностями. Въ пѣсняхъ Духновичъ подражалъ несомнѣнно русскимъ образцамъ сентиментальной школы, на это указываетъ изученіе его эпитетовъ.

Попрадовъ-Ставровскій увлекался Пушкинымъ («Путешествіе на воды»), но зналъ и современныхъ русскихъ лириковъ — Майкова, Фета, Плещеева.

Е. А. Фенцикъ въ свой альбомъ для стиховъ выписываетъ вещи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Хомякова и др. Особенное пристрастіе къ Некрасову питалъ Павловичъ, что видно не только изъ уклона его творчества, но и изъ записокъ, сохранившихся и понынѣ.

И эта связь не ограничивалась только Угорской Русью. Карпаторусские авторы вызывали интересъ и въ Россіи. Такъ напр. «Истинная исторія Карпато-Россовъ» Духновича была переслана въ Москву и тамъ-же впослѣдствіи опубликована. Е. А. Фенцикъ свою повѣсть «Родина безъ отечества» тоже направилъ въ Россію, и тамъ она вскорѣ была напечатана, но безъ имени автора, что вполнѣ понятно, такъ какъ въ ней затронуты были вопросы мадьярской политики.

Именно съ этого времени карпаторусские журналы и календари начинаютъ перепечатывать стихотворенія русскихъ поэтовъ, а чтобы для правительства это не казалось подозрительнымъ, иногда опускаютъ имя автора, или ограничиваются его іниціалами. «Листокъ» цѣликомъ перепечатываетъ «Демона» Лермонтова, снабжая его примѣчаніями и поясненіями на мадьярскомъ языкѣ. Особеннымъ интересомъ пользуется въ это время Хомяковъ съ его славяно-фильской тенденціей.

Въ это-же время возникаетъ вопросъ о систематическомъ изученіи русского языка. Взамѣнъ діалектической грамматики Фогорашия, Духновичъ издаетъ «Грамматику письменнаго русскаго языка»; написалъ грамматику Попрадовъ-Ставровскій, но она издана не была и погибла уже во время міровой войны вмѣстѣ со многими его рукописями. Е. А. Фенцикъ въ журналѣ «Листокъ» вводитъ особый отдѣль «Уроки русскаго языка» и попутно въ хроникѣ сообщаетъ о значеніи и успѣхахъ русскаго языка заграницей. Раковскій издаетъ свою грамматику по мад'ярски, чтобы облегчить ея изученіе мадьяризованный интеллигенціи. Наконецъ А. Митракъ составляетъ мадьярско-русскій и русско-мадьярскій словари и до сихъ поръ являющіеся непревзойденными по своей полнотѣ и точности въ русской словарной литературѣ. Организуется, наконецъ, Общество св. Василія Великаго, которое, ставя своей цѣлью просвѣщеніе народа, фактически ведетъ работу національного русскаго просвѣщенія, издаетъ рядъ учебныхъ книгъ, которыя съ восторгомъ встрѣчаются въ нашей народной средѣ.

Если учесть масштабъ и качества русскаго дѣла послѣ 1848 года и вплоть до реакціи, которая постепенно возрас-
тала, начиная съ 70-хъ годовъ, то приходится согласится, что тутъ роль играло уже не только интеллигентское національное самосознаніе, но и тотъ фактъ, что народъ воочію убѣдился, что россіяне — его кровные братья.

Наконецъ, послѣдняя передъ нашимъ освобожденіемъ встрѣча карпатороссовъ съ россіянами произошла уже въ Россіи. Попавъ въ мадьярскую армію, карпатороссы успешно доходили до фронта и затѣмъ совершали подвигъ: ночью перебѣгали на русскую сторону. Сотни человѣкъ побывали въ Россіи, вернулись на родину и отнынѣ никакая великая Україна не сдѣлаетъ изъ нихъ ренегатовъ русскаго народа.

Въ заключеніе я приведу цитаты изъ завѣщанія нашего патріота, недавно скончавшагося Д-ра Симеона Сабова, который завѣщалъ О-ву им. А. В. Духновича 40.000 кч., чтобы изъ процентовъ этого капитала ежегодно удѣлялись преміи за литературные труды.

«По наблюденіямъ нашъ народъ называетъ себя русскимъ, но рускость его какого-то иного типа, чѣмъ рускость оригиналная. Онъ различаетъ. Онъ знаетъ «москалевъ», «украинцевъ», «галичанъ», даже знаетъ полуруссовъ, какъ греко-католическихъ мадьяръ, которыхъ передъ 100—150 годами назадъ и совсѣмъ не было на свѣтѣ, греко-католическихъ словаковъ и тому подобныя **нелѣпости**. Само собою разумѣется, что всѣ эти его заблужденія происходятъ отъ недостаточной его сознательности, что крайне болѣзненно отражается на его національной оріентациі.

Во время великихъ національныхъ воспитаній чувство единоплеменности въ прошломъ и у насть прекрасно проявлялось. Напримѣръ, во время русско-турецкой войны, слышавши о русскихъ побѣдахъ, снявши шляпы, благодарили, что Богъ помогъ «нашимъ» и съ нетерпѣніемъ ожидали Бѣлаго Царя сюда. Если народъ тогда называлъ «нашими» русскихъ, если тогда не дремало сознаніе его національности, нужно, чтобы и теперь бодрствовало оно, и, какъ тогда, такъ и нынѣ въ нормальномъ состояніи прилѣплялось къ русской націи, и пусть народъ чувствуетъ себя солидарнымъ съ ней. Пусть не омрачаетъ его душу, что онъ при созданіи русскаго государства не принималъ никакого участія, ибо яркое сіянье этой славной исторіи озаряетъ каждого честнаго русскаго человѣка, гдѣ бы не былъ онъ въ мірѣ».

Указывая норму оцѣнки литературныхъ работъ, представленныхъ на конкурсъ, Д-ръ С. Сабовъ говоритъ: «издаваемое сочиненіе должно служить цѣли культурнаго подъема, идеѣ, что русскій народъ — единый, какъ единый его языкъ».

Это завѣщаніе писалось еще въ то время, когда на Подкарпатской Руси, подъ вліяніемъ галичанъ-украинцевъ происходило броженіе. Но славный патріотъ-фундаторъ дожилъ до того мига, когда уже не было сомнѣній въ побѣдѣ нашей русской традиціи.

Сейчасъ на восточномъ русскомъ фронтѣ — все спокойно. Мы, карпатороссы, горды тѣмъ, что въ тяжкій мигъ испытаній русскаго народа мы гордо, стойко и **побѣдно** держимъ флагъ русскаго единства на крайнемъ русскомъ западѣ. Вѣримъ и исповѣдуемъ, что придетъ заря съ востока на радость всего русскаго міра и всего славянства“

* * *

Думаю, что каждый участникъ съїзда можетъ сказать, что съїздъ окончился не докладами, но тѣмъ импровизиро-

ваннымъ путешествіемъ по болгарской землѣ, которую организовалъ проф. В. Н. Златарскій, по справедливости названный «дядькой» русскихъ ученыхъ, прибывшихъ въ Болгарію. Это путешествіе вызвало столько неописуемой радости и столько искреннихъ слезъ, что я не могу не вспомнить о немъ безъ особаго волненія: никогда ничего подобнаго мнѣ переживать не приходило.

Мы посѣтили Пловдивъ, бывшую столицу Болгаріи, побывали въ Старой Загорѣ, которая до тла была уничтожена турками и нынѣ возстала изъ праха, заѣзжали въ Казанлыкъ, что лежитъ у подножья знаменитой Шипки, были въ Габровѣ, въ Щипкинскомъ монастырѣ... Встрѣчъ никто не организовывалъ, но всюду насть встрѣчалъ — Болгарскій Народъ. Всюду были трогательныя привѣтствія отъ всего сердца, отъ всей души. Каждый изъ насть при этомъ узналъ, какъ мощно, какъ волнующе слово народной души. Рѣчь всегда шла не сбъ ученыхъ или объ отдѣльныхъ лицахъ, но о народахъ — о русскихъ и о болгарахъ, которыхъ связала не только исторія, но и человѣческое сердце.

Въ Пловдивѣ насть всѣхъ поразилъ старый генералъ запаса, который, привѣтствуя, сказалъ: «Я былъ ребенкомъ, когда русскія войска освобождали Болгарію. Я цѣловалъ тогда стремена русскихъ солдатъ...». Этотъ поцѣлуй, вызванный національнымъ восторгомъ, сопровождалъ всюду. Въ Тырновѣ на банкетѣ два ветерана болгарско-турецкой войны, слушая вдохновенную рѣчь проф. А. А. Кизеветтера,бросились цѣловать ему руку. Тогда маститый профессоръ склонился самъ и поцѣловалъ руку ветерана въ отвѣтъ на его горячее чувство любви. Вотъ рѣдкій примѣръ поцѣлуевъ всенароднаго значенія, вотъ подлинная братская любовь.

Города Болгаріи, куда мы только не заѣзжали, были украшены русскими флагами, это показываетъ, сколь традиціоненъ русскій культь у болгаръ. Выходили насть встрѣчать не делегаціи, но всѣ жители. Всѣ улицы были переполнены народомъ, всюду было ликованіе, всюду забрасывали настъ цветами.

Нужно сказать, что погода была дождливая, однако это не вліяло на встрѣчи. Когда мы уѣзжали изъ Рыльского монастыря, нашъ автомобиль былъ на дорогѣ остановленъ дѣтьми-школьниками, передавшими намъ цветы. Дѣти и ихъ наставники вѣроятно долгое время ожидали подъ проливнымъ дождемъ, чтобы высказать свою любовь къ русскому народу.

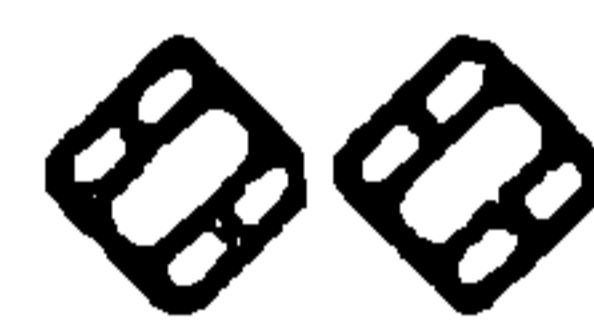
Въ монастыряхъ и школахъ, въ присутственныхъ учрежденіяхъ и въ частныхъ домахъ, всюду на почетномъ мѣстѣ висить портретъ Ю. И. Венелина. Особено художественное изображеніе нашего соотечественника хранится въ знаменитомъ Рыльскомъ монастырѣ, который самъ по

себѣ является созданіемъ не только религіи, но и національ-
наго искусства.

Болгарія находится въ тяжелыхъ материальныхъ усло-
віяхъ: она платить военную контрибуцію. Но трудъ — все
преодолѣваетъ. Возьмите столицу Болгарскаго Царства —
Софію! Она передъ войной насчитывала всего около 35 ты-
сячъ жителей, а въ настоящее время, несмотря на матери-
альный кризисъ, въ ней проживаетъ до 250 тысячъ; городъ
обстраивается и не отстаетъ отъ прочихъ европейскихъ
центровъ.

„Мы — угрюмы“ — говорилъ намъ одинъ изъ привѣтство-
вавшихъ въ Тырновѣ — д-ръ Гюльмезовъ. Насъ трудно по-
нять. Это слѣды долгой неволи. Но подойдите къ намъ по-
ближе, взгляните въ насть — и вы найдете открытые сердца,
ибо велика и беззавѣтна наша любовь къ Россіи и русскимъ».

Думаю, что участники съѣзда дѣйствительно заглянули
въ душу Болгарскаго Народа и никогда не забудутъ ея об-
раза, полнаго искренней любви и благодарности, полнаго
чувствомъ братства съ Русскимъ Народомъ.

ТРУДЫ Проф. Д-ра Степана А. Фенцика.

1. Ст. Гергардъ и его мѣсто въ исторіи философіи, Будапештъ, 1918.
2. Интуиція, какъ основа значенія искусства, Ужгородъ, 1918.
3. Пѣсни Подкарпатскихъ Русиновъ, ч. I., Прага, 1921.
4. Пѣсни Подкарпатскихъ Русиновъ, ч. II., Прага, 1923.
5. Нашъ національный гимнъ, Ужгородъ, 1927, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 26.
6. Русский Народный Календарь на 1928 г., Ужгородъ, 1927, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 31.
7. Русский Народный Календарь на 1929 г., Ужгородъ, 1928, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 44.
8. Русский Народный Календарь на 1930 г., Ужгородъ, 1929, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 64.
9. Русский Народный Календарь на 1931 г., Ужгородъ, 1930, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 89.
10. Деятельность О-ва им. А. В. Духновича 1922--1924, Ужгородъ, 1926, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 24.
11. Деятельность О-ва им. А. В. Духновича за 1927--1928 гг., Ужгородъ, 1930, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 77.
12. Руководство къ организаціи Русскихъ Народныхъ Читалень им. А. В. Духновича, № 72.
13. Чехословаки и Карпатороссы, Ужгородъ, 1929, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 66.
14. Списокъ книгъ, рекомендованныхъ въ сельскія бібліотеки на Подкарпатской Руси, Ужгородъ, 1929, изд. Подкарпаторуск. Народопросвѣтит. Союза, № 1.
15. Галиція, Ужгородъ, 1928, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 49.
16. Евменій Ивановичъ Сабовъ, Ужгородъ, 1929, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 60.
17. А. И. Добринскій, сборникъ, Ужгородъ, 1929, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 70.
18. Карпатскій Свѣтъ за 1928 г., Ужгородъ, 1928, изд. О-ва им. А. В. Духновича.
19. Карпатскій Свѣтъ за 1929 г., Ужгородъ, 1929, изд. О-ва им. А. В. Духновича.
20. Карпатскій Свѣтъ за 1930 г., Ужгородъ, 1930, изд. О-ва им. А. В. Духновича.

22. Русскимъ скаутамъ на Подкарпатской Руси, Ужгородъ, 1930, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 73.
23. Т. Г. Масарикъ, юбилейный сборникъ, Ужгородъ, 1930, изд. Подкарпаторусск. Народопросвѣтит. Союза, № 2.
24. Алоизъ Ирасекъ, сборникъ, Ужгородъ, 1930, изд. Подкарпаторусск. Народопросвѣтит. Союза, № 3.
25. Моя поѣздка въ Болгарію. Карпатороссы и Россіяне, Ужгородъ, 1930, изд. О-ва им. А. В. Духновича, № 98.
26. Собраніе сочиненій Е. А. Фенцика въ 3-хъ томахъ (готовится къ печати).
27. Упражненія для скрипки. Одобрено Мин. Нар. Пр. въ качествѣ учебника за № 31.317 - III - II. III. 24. (печатается).
28. Учебникъ теоріи музыки, часть I. (печатается).
29. Verstand und Instikt des Tieres (Умъ и инстиктъ животныхъ) - (печатается на нѣмецкомъ и мадьярскомъ языкахъ).

ІЗДАНІЯ О-ВА ИМ. АЛ. ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ.

45. Проф. Θ. Θ. Аристовъ: Библіографический перечень творчества А. В. Духновича, 1928. — ц. 1 кч 50 гел.
46. Д-ръ Евгений Недзѣльский: Изъ чешской лирики. 15 кч.
47. Проф. А. Флоровскій: Замѣтки И. С. Орлая о К. Руси. 2 кч.
48. В. А. Францевъ: Десять лѣтъ свободной жизни Чсл. народа. 3 кч.
49. Д-ръ Ст. А. Фенцикъ: Галиція. 3 кч.
50. Д-ръ Н. А. Бескидъ : Попрадовъ 12 кч
51. Проф. Ю. А. Яворскій: Поученіе о снахъ. 1 кч.
52. Проф. Ю. А. Яворскій: Дополненіе къ библіогр. А. Духновича. 1 кч.
53. Д-ръ Симеонъ А. Сабовъ. 1 кч.
54. Д-ръ. А. Л. Петровъ (печатается).
55. Проф. Θ. Θ. Аристовъ: А. В. Духновичъ. 3 кч.
56. Павель Федоръ: Очерки карпаторусской литературы. 12 кч.
57. Павель Федоръ: Правда побѣждаетъ, пьеса. 5 кч.
58. А. Карабелешъ: Въ лучахъ разсвѣта, стихи 29 кч.
59. Д-ръ С. А. Фенцикъ: Дѣятельность О-ва им. А. Духновича въ 1928 г.
60. Юбилейный сборникъ посвященный Е. И. Сабову. ц. 10 Кч
61. Проф. В. А. Францевъ: Изъ исторіи письменности Подкарп. Руси XVIII—XIX стол. — 1.50 кч.
62. Проф. Ю. А. Яворскій: Національное самосознаніе карпатороссовъ на рубежѣ XVIII—XIX вѣковъ — 1 кч.
63. Проф. А. Л. Петровъ: Къ исторіи села Каменки — 2 кч.
64. Народный календарь О-ва на 1930 годъ подъ ред. д-ра Степана А. Фенцика — 4 кч.
65. Янъ Неруда — избранные рассказы, пер. и вступ. статья Е. Л. Недѣльского — 16 кч.
66. Д-ръ Степанъ Фенцикъ: Чехословаки и карпатороссы — 5 кч.
67. А. Бобульский: Въ святой вечеръ, пьеса въ 2-хъ дѣйств. — 6 кч.
68. А. Бобульский: Верховинская кровь, пьеса въ 3 дѣйств. (печатается).
69. А. М. Волконскій: Малороссъ или украинецъ? 1928. — ц. 1 кч.
70. Сборникъ статей, посвященныхъ памяти Добрянского, 1929 — 1 кч.
71. Проф. Ю. А. Яворскій: Старая латинская записка о селѣ Гукливомъ, 1929 — ц. 1 кч.
72. Д-ръ Степанъ Фенцикъ: Руководство къ организаціи и веденію Русскихъ Народныхъ Читаленъ им. А. В. Духновича, 1929 — 1 кч.
73. Графъ А. Салтыковъ: Евразійцы или украинцы, 1930 — ц. 10 кч.
74. Д-ръ Н. А. Бескидъ: А. В. Духновичъ (печатается).
75. Д-ръ Степанъ А. Фенцикъ: Русскимъ Скаутамъ, 1929 — ц. 1 кч.
76. Сборникъ о Балудянскомъ (готовится къ печати).
77. Д-ръ Степанъ А. Фенцикъ: Дѣятельность О-ва им. А. В. Духновича въ 1929/30 г. — ц. 3 кч.
78. Собрание сочиненій Е. А. Фенцика подъ редакціей Д-ра С. А. Фенцика — ч. I.
79. Собрание сочиненій Е. А. Фенцика подъ ред. Д-ра С. А. Фенцика — ч. II.
80. Собрание сочиненій Е. А. Фенцика подъ ред. Д-ра С. А. Фенцика — ч. III (готовится къ печати).
81. Собрание стихотвореній А. В. Духновича подъ ред. Д-ра Н. А. Бескида (готовится къ печати).
82. Проф. Валерій Погорѣловъ: Мих. Лучкай и его грамматика, 1930 — ц. 2 кч.
83. Проф. Ю. А. Яворскій: П. Д. Лодій въ изображеніи польского романиста, 1930 — ц. 1 кч.
84. Проф. Θ. Θ. Аристовъ: А. И. Добрянский (готовится къ печати).

- <http://rusyns-library.org> – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015
'85. Проф. Θ. Θ. Аристовъ: Амв. Аф. Полянскій (готовится къ печати).
86. А. В. Поповъ: Θ. Θ. Аристовъ, очеркъ его дѣятельности къ 25-лѣтнему юбилею (готовится къ печати).
87. Разсказы новѣйшихъ русскихъ писателей, 1930 --- ц. 3 кч.
88. Евгений Недзѣльскій: Народные рассказы, 1930 --- ц. 3 кч.
89. Русский Народный Календарь на 1931 г., 1930 — ц. 4 кч.
90. В. А. Францевъ: Русский іезуитъ Мартыновъ, 1930 — ц. 1 кч.
91. Михаилъ Парлагъ: Разсказы о Михлѣ (печатается).
92. Сергѣй Савиновъ: Легенды Подкарпатской Руси (печатается).
93. Виталій Витяземскій: Огненная Икона (печатается).
94. Сіонъ Сильвай: Маруся, пьеса въ 4-хъ дѣйств., 1930 — ц. 6 кч.
95. Антоній Бобульскій: Рождественская игра, пьеса въ 1 дѣйствіи, 1930 — ц. 2 кч.
96. Антоній Бобульскій: Мессія, пьеса, 1930 — ц. 4 кч.
98. Д-ръ Степанъ Фенцикъ: Карпатороссы и Россіяне, 1930 — ц. 4 кч.
99. Дѣло о покушеніи на Е. И. Сабова, 1930 — ц. 1 кч.

